

А Шан знала только те иероглифы, которым научил её муж из книг, и в тех книгах не было слова «Цин Шан».

Девушка, поняв это, не стала разоблачать, а лишь сказала:

— Если госпоже интересно, я могу научить вас писать.

— Писать...

В глазах А Шан мелькнул интерес, и она явно заинтересовалась. Девушка, воспользовавшись моментом, обняла её сзади, мягко взяв её руку в свою.

Сердце А Шан резко забилося, и румянец, ещё не успевший сойти, снова залил её щёки. Она невольно посмотрела на руку, которая держала её, — нежную, как нефрит, лёгкую, как ветер.

Кончики пальцев девушки нежно скользили по тыльной стороне руки А Шан, указывая, как правильно держать кисть. А Шан послушно следовала её указаниям, впервые написав своё имя под её руководством.

— Цин Шан...

Закончив писать, А Шан тихо прошептала.

Девушка улыбнулась и приблизила своё лицо к её лицу, почти касаясь щеки. Тёплое дыхание коснулось её кожи, и даже уши А Шан покраснели. От девушки исходил приятный аромат, не похожий на цветочный, скорее напоминающий чай или листья бамбука.

Сердце А Шан учащённо билось от близости девушки. Она не осмеливалась отстраниться, но и не решалась приблизиться, оставаясь неподвижной до кончиков пальцев.

Девушка заметила её напряжение, но не отстранилась, а, наоборот, сжала руку А Шан ещё сильнее. Пальцы А Шан были холодны, а ладонь девушки — тёплой. Окутанная этим теплом, тело А Шан постепенно расслабилось, и под её руководством она снова написала:

— Облака мечтают об одежде...

— Цветы — о красоте.

Голос девушки был чистым, как вечерний ветер, и звучал прямо у её уха.

— Госпожа, в этом стихотворении тоже есть моё имя.

— Облако...

А Шан смотрела на плавные строки и тихо повторяла, а девушка повернула взгляд к окну.

Там на них смотрели жадные глаза. Девушка отвела взгляд, а А Шан уже писала иероглиф «облако».

— Госпожа пишет очень хорошо.

С улыбкой на губах она обняла А Шан за плечи.

После нескольких дней отдыха девушка постепенно начала вспоминать некоторые вещи.

Первое, что она вспомнила, было её имя — Ци Юнь.

На левой руке у неё были тонкие мозоли, вероятно, от длительного использования чего-либо. Ци Юнь протянула руку, и в утреннем свете стало ясно, что эти мозоли, скорее всего, от меча.

Но на её теле меча не было.

Возможно, он был потерян в ту ночь...

— Госпожа Юнь.

А Шан в этот момент постучала в дверь, прервав её размышления. Она принесла Ци Юнь одежду — ту самую белую, испачканную кровью, которую она постирала и зашила.

А Шан, увидев удивление на лице Ци Юнь, поспешила объяснить:

— Я видела, что это ткань высшего качества, и выбрасывать её было бы жаль. Такое красивое платье... наверное, госпожа Юнь тоже не захотела бы его потерять, поэтому я зашила повреждённые места, вышив на них цветы...

— Вышивка?

— Да... — А Шан развернула платье, показывая вышивку на рукавах — три тёмно-синих облака, выполненные с тончайшими стежками, изящные и элегантные, идеально сочетающиеся с гладкой тканью. — Так как я могла вышивать только ночью, у меня не было возможности спросить, нравится ли это госпоже Юнь. Я сама приняла решение, надеюсь, вы не сердитесь...

Хотя А Шан и не была образованной, её навыки вышивки и вкус были превосходны, особенно вышивка — тонкая и изысканная, совсем не похожая на ремонт, а скорее на то, что узор был изначально задуман для платья.

Ци Юнь приподняла бровь, выражая одобрение:

— Госпожа вышивает очень хорошо.

А Шан украдкой посмотрела на Ци Юнь, и каждый раз, когда та хвалила её, её щёки непроизвольно краснели.

Утренний ветер развеял пряди волос на щеках А Шан, и её румянец стал ещё заметнее. Она смущённо отвернулась, услышав слова Ци Юнь:

— Сегодня ветер мягкий и приятный, госпожа, может, прогуляемся вместе?

— Прогуляемся...? — А Шан слегка пошевелила плечами, колеблясь:

— Но муж не разрешает мне выходить из дома... он, наверное, уже проснулся...

— Ничего страшного, мы просто прогуляемся по саду.

—————

В саду рос кустарник, который, даже не будучи в сезон цветения, источал лёгкий аромат. А Шан подошла к дереву и глубоко вдохнула. Только когда мужчины не было рядом, она осмеливалась на такое, и эта жизнь, в которой даже глубокий вдох был роскошью, длилась уже

три года.

— Как приятно пахнет.

Ци Юнь, стоя неподалёку, заметила это. А Шан обрадовалась и с улыбкой сказала:

— Госпожа Юнь тоже чувствует запах? Это дерево цветёт в начале лета, и тогда оно покрывается гроздьями цветов, белыми, как снег, и жёлтыми, как закат. Это так красиво! А когда оно цветёт, запах ещё сильнее, сейчас, осенью, его почти не чувствуется... — А Шан закрыла глаза и снова глубоко вдохнула:

— Но я всё ещё могу его уловить.

Ци Юнь не ответила, лишь улыбнулась, наблюдая за ней. Когда А Шан открыла глаза, её взгляд встретился с прекрасными глазами девушки. В мягком утреннем свете её взгляд казался более тёплым, менее пугающим, чем раньше, и более нежным.

Неужели это лишь иллюзия...

А Шан подумала об этом, и её щёки снова потеплели.

— Не знаю, что это за дерево... — А Шан, пряча румянец, отвернулась. Ци Юнь подошла к ней сзади и тихо сказала:

— Это мусян.

— Мусян...?

А Шан хотела обернуться, но остановилась, почувствовав приближение Ци Юнь.

— Мусян обладает изысканным ароматом. Говорят, что Нефритовый Император, путешествуя, любил устилать дорогу лозами мусяна. — Голос Ци Юнь был тихим, она спокойно рассказывала историю дерева мусян:

— В народе цветы мусяна также очень любимы женщинами, некоторые даже носят их с собой, а встретив родственную душу, дарят их в знак привязанности.

А Шан слушала, погружённая в её слова. Ей казалось, что эта девушка, потерявшая память, знает так много, и все её вопросы и незнание могут найти ответы у неё.

— А госпожа Юнь тоже любит цветы мусяна?

— Цветы... — Ци Юнь тихо засмеялась, её ленивый смех донёсся с ветром до ушей А Шан:

— Кто же их не любит?

Теперь А Шан совсем не могла повернуть голову.

Вдалеке на небе появился бумажный змей. А Шан подняла голову, наблюдая, как змей плывёт по ветру сквозь облака. Она протянула руку к небу, прищурив глаза, словно пытаясь коснуться неуловимого змея и облаков:

— Облака такие прекрасные, свободные и ничем не ограниченные...

— Но они также скитаются.

— Скитаются? — Рука А Шан замерла в воздухе:

— Что значит скитаться?

— Лопух, ряска и облака — всё это символы скитания.

— Почему так? — А Шан не удержалась и обернулась. Ци Юнь смотрела на плывущие облака:

— Потому что у них нет корней, нет дома, они не знают, откуда пришли и куда идут. Это и есть скитание.

А Шан смотрела в глаза Ци Юнь, и ей показалось, что в них мелькнула тень одиночества, быстро исчезнувшая.

— Госпожа Юнь...

А Шан хотела что-то сказать, но, увидев мужчину, стоящего вдали на галерее и наблюдающего за ними, она замолчала, задержав дыхание.

Ци Юнь не повернулась, но знала, что А Шан увидела. Она заметила мужчину раньше, но ничего не сказала.

— Госпожа, пора возвращаться.

Ци Юнь позвала А Шан, и та послушно кивнула, но, сделав шаг, оступилась и начала падать назад. Однако она не упала на землю, а оказалась в объятиях Ци Юнь.

Ци Юнь одной рукой поддерживала её, ладонь легла на тонкую талию. А Шан, потеряв равновесие, на мгновение прижалась к Ци Юнь, но сразу же выпрямилась, опустив глаза и сначала поблагодарив, а затем извинившись.

Ци Юнь ничего не сказала, лишь улыбнулась и ушла. А Шан не последовала за ней, оставаясь на месте, прижимая руку к учащённо бьющемуся сердцу.

Неужели это из-за того, что она слишком долго не общалась с другими людьми...

Когда А Шан оставалась одна, она думала, что странное волнение и напряжение, которые она испытывала рядом с Ци Юнь, могут быть связаны с её замкнутой жизнью. С тех пор как она вышла замуж, она почти ни с кем не разговаривала.

Так, спокойно и безмятежно, прошло ещё несколько дней. А Шан выучила у Ци Юнь много иероглифов, и их отношения, казалось, становились всё ближе. Всё это не ускользнуло от внимания мужчины.

В эту ночь мужчина принёс новую книгу и начал учить А Шан читать.

— Разговоры цветов за занавеской...

Действительно, А Шан выучила у Ци Юнь много иероглифов, и теперь она могла сама прочитать название книги.

<http://bllate.org/book/16235/1458712>